

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-17-22

РЕЦЕПЦИЯ ТРАГЕДИИ И. В. ГЕТЕ «ФАУСТ» В ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА «ДЯДЯ ВАНЯ»

© *Федорова Валентина Геннадьевна*

кандидат филологических наук, доцент

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет

имени В. М. Шукшина

Россия, 659300, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, д. 53

E-mail: kwg@mail.biysk.ru

В статье устанавливаются литературные связи пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» и трагедии И. В. Гете «Фауст». В чеховской пьесе выявляются мотивные и образные реминисценции из трагедии И. В. Гете. В образах дяди Вани, доктора Астрова, профессора Серебрякова, Елены Андреевны и Сони обнаруживаются черты, отсылающие к Фаусту, Мефистофилю, Вагнеру и разным ипостасям образа Вечной женственности. Основные мотивы пьесы: мотив разочарования в жизни, посвященной науке, в самой науке, неспособной решить насущные вопросы, и мотив созидательного труда во имя счастливого будущего человечества, — также заставляют вспомнить «Фауста» И. В. Гете. Найденные параллели помогают лучше и полнее понять идейный замысел чеховской пьесы, в которой идеи трагедии И. В. Гете находят как диалогическое развитие, так и полемическое переосмысление.

Ключевые слова: А. П. Чехов; И. В. Гете; трагедия «Фауст»; пьеса «Дядя Ваня»; рецепция; мотив; образ; идея; система ценностей; позитивизм; вечная женственность.

Проведение параллелей между творчеством И. В. Гете и А. П. Чехова имеет в отечественном литературоведении давнюю традицию, начинающуюся со статьи Д. С. Мережковского «Старый вопрос по поводу нового таланта», в которой он сравнил героя рассказа «На пути» Лихарева и гетевского Фауста [12, с. 6]. Тему рецепции «Фауста» Гете в творчестве А. П. Чехова на материале повести «Скучная история» рассматривали Л. П. Громов [3, с. 173] и В. Б. Катаев [7, с. 87]. Г. А. Бялый, в свою очередь, обнаружил сходство комедии «Чайка», а конкретнее, мистерии Треплева со второй частью «Фауста» [1, с. 78–79]. М. Л. Семанова проанализировала следы легенды о Фаусте в сюжете «Черного монаха» [8, с. 121].

Как видим, интерес к рецепции «Фауста» И. В. Гете в творчестве А. П. Чехова очевиден. Во внимание исследователями принимаются, в основном, произведения с конца 1880-х до середины 1890-х гг., так как именно в этот период в записных книжках и письмах Чехова находится больше всего высказываний о Гете. Однако пьеса «Дядя Ваня» (1897) не становилась до сих пор предметом рассмотрения сквозь призму сравнения с трагедией И. В. Гете, хотя, по нашему мнению, в этой пьесе, помимо обозначенных исследователями отсылок к произведениям Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева [4, с. 37–39], можно обнаружить ме-

нее явные, но не менее значимые для постижения ее смысла отсылки к «Фаусту».

Как и трагедия Гете, произведение Чехова начинается с мотива разочарования в прожитой жизни, которая была посвящена деятельности на благо науке, а через нее — служению человечеству. Дядя Ваня, Иван Петрович Войницкий, русский тезка Иоганна Фауста, всю жизнь работал «как вол» на знаменитого мужа покойной сестры профессора Серебрякова и чувствовал себя сопричастным великому делу служения науке, прогрессу, но тот вышел в отставку и оказалось, что он не был выдающимся ученым: «...его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место» [11, с. 67]. Разочарование в профессоре Серебрякове приводит героя к разочарованию в итогах прожитой впустую жизни, к пониманию тщетности своего труда. Самого же профессора Серебрякова с его любовью к схоластике и незнанием живой жизни, можно сопоставить с книжным ученым Вагнером: «Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни» [11, с. 99]. Профессор Серебряков полон ощущения собственной значимости, не видит и не понимает действительности. Ненамеренной издевкой над дядей Ваней, Соней, не знающих ни отдыха, ни радости, особенно доктором Астровым, к которому он непосредственно обращается, звучит его фраза: «Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, господа, дело делать! Надо дело делать!» [11, с. 112].

Иван Петрович Войницкий — не «бурный гений», а «обыкновенный человек, бунтующий против своей участи» [4, с. 39], захотевший подняться над дразгами жизни и оставить свой след в истории. Это возвышало его в собственных глазах, это делало его каждодневный будничный труд не просто осмысленным, а наполненным высшим смыслом. Но с потерей веры в гениальность профессора Серебрякова, в значимость для человечества его научной деятельности, обесмысливается вся прожитая жизнь, вся деятельность дяди Вани, все жертвы, им принесенные. Начинается сожаление об ушедшей молодости, об упущенных возможностях: «Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашей этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!» [11, с. 70]. Дядя Ваня, как и Фауст, отвергает схоластическую науку во имя живой жизни и устремляется на поиски преображающей силы, управляющей, по словам Гете, миром мужчин — Вечной женственности.

Спасительная *Ewig-Weibliche* является Ивану Петровичу в облике прекрасной жены профессора Елены Андреевны, и дядя Ваня преследует ее с той же страстью, как Фауст Елену Прекрасную. Елена Андреевна не только внешне прекрасна, она порядочна, умна, верна, и ей хочется, чтобы ее уважали, ей важно самой себя уважать. Доктору Астрову, который также испытал к Елене Андреевне страстное влечение, она говорит: «Я об одном вас прошу: думайте обо мне лучше. Мне хочется, чтобы вы меня уважали» [11, с. 110].

Самоуважение важно для всех героев пьесы, каждый для себя находит то, за что его можно уважать, а иначе что остается человеку? Это хорошо можно увидеть на примере Ильи Ильича Телегина, который в рассказе о своей жизни

говорит о том, что, несмотря на измену жены, был ей верен, помогал ей и ее детям, которых она прижила с любимым человеком, отдал ей свое имение, сам живет, по сути, приживалом, но сохранил гордость, в то время как у нее не осталось и этого. Как пишет А. Б. Есин, «чеховская система укоренена в повседневности, связана с конкретной практикой. Поэтому она ориентирует культурное сознание не на идеальные сферы «проклятых вопросов», а на положение вещей в реальной повседневности. Но тем самым — и возвышает такие простые и доступные всем ценности, как труд, порядочность, справедливость и т. п. до уровня основополагающих начал человеческого бытия» [5, с. 164–165].

Драма дяди Вани, как нам представляется, в том, что он потерял уважение к себе, потому что деятельность его лишилась того стержня, на котором держалась — служения высшим идеалам бытия. Осталось только одно, что, как ему кажется, еще способно его переродить — это любовь к прекрасной женщине.

Гете и Шиллер как авторы концепции «веймарского классицизма» писали о преображающей силе красоты, способствующей перерождению нравственного существа. В Фаусте, отмечает Н. А. Холодковский, «...любовь к Елене довершила перерождение его нравственного существа, дав ему силы перейти к активному осуществлению благородных мыслей, которые отныне будут составлять всю суть его существования; он уже видит теперь перед собою определенную цель, и четвертый акт изображает именно приступ к достижению этой цели» [10, с. 184]. Но в случае с дядей Ваней этого нравственного перерождения не происходит. Красота Елены Андреевны пробуждает в герое лишь страсть и не сподвигает к деятельности, а, напротив, подавляет деятельностное начало.

Так же красота Елены Андреевны действует и на другого героя — доктора Астрова, который тоже жалуется на то, что бросил работать, пребывает в праздности. Красивая праздная женщина у Чехова действует на мужчин развращающе и никаких идеальных устремлений породить не может. Это отмечает доктор Астров: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистой» [11, с. 83].

Однако он тут же признает, что он сам уже не в силах кого-либо полюбить, нелегкая жизнь уездного доктора сделала из него пошляка и циника. Некрасивую, но добрую, чистую, трудолюбивую и, главное, всем сердцем любящую Соню он не замечает, в Елене Андреевне видит лишь самку («красивый, пушистый хорек»), а своему другу Ивану Петровичу Войницкому, переживающему тяжелую душевную драму и собирающемуся покончить жизнь самоубийством, советует пойти в лес и там застрелиться, чтобы никому не доставлять беспокойства. Этот цинизм героя, причины которого очень хорошо рассмотрел П. Долженков в книге «А. П. Чехов и позитивизм» [4], отсылает к другому герою гетевской трагедии — Мефистофилю. В то же время, наряду с дядей Ваней, доктора Астрова, как нам кажется, можно назвать русской ипостасью доктора Фауста. Он также переживает разочарование жизнью. Чехов на репетициях спектакля в МХТ, говорил, что разница между героями заключается в том, что «дядя Ваня плачет, а Астров свистит!» [9, с. 232].

Казалось бы, жизнь этого героя отвечает «простым, изначальным нравственным ценностям», о которых в связи с рассмотрением системы ценностей в творчестве А. П. Чехова пишет А. Б. Есин: «...ценностный статус свободы, ума, порядочности, осмысленного труда и т. п. не устанавливается, проходя через “горнило сомнений”, а задан априорно — как и должно быть в отношении тех ценностей, что веками составляли основу человеческого культурного бытия» [5, с. 165]. Почему же доктор Астров, помимо работы земским врачом, сажающий леса и мечтающий о прекрасном будущем человечества на прекрасной земле (и тем самым напоминая не только автора пьесы, но и Фауста, в конце жизни нашедшего смысл в труде на благо человечества), испытывает разочарование и говорит, что у него «впереди нет огонька»?

Возможно, разочарование доктора Астрова, да и дяди Вани, можно связать с разочарованием в науке, которая не помогает облегчить жизнь человека и спасти его (вспомним слова доктора Астрова о том, как неожиданно для него самого взволновала его смерть пациента на операционном столе под хлороформом). Как указывает П. Долженков, «влияние позитивизма в России выразилось прежде всего в широком распространении сциентизма, и, начиная с 60-х годов прошлого века, русская молодежь массами пошла в науку, чтобы слушать ей, а через нее — прогрессу, человечеству. В последние десятилетия XIX века в Европе и с небольшим запозданием в России начинается так называемая антипозитивистская реакция, которая сопровождалась резкими нападками не только на позитивизм, но и на науку. Утверждалась ее несостоятельность не только в деле обустройства человеческой жизни, но и в деле познания тайн вселенной» [4, с. 39–40].

Как нам представляется, дело не только в разочаровании в науке. Спустя почти век после написания «Фауста», Чехов словами Астрова подводит некий промежуточный итог творческой и практической деятельности человека и приходит к неутешительным выводам: «Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы преумножить то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее» [11, с. 72–73].

Возникает вопрос не только о цене прогресса, как в «Фаусте», сомнению подвергается сама идея прогресса. Царство свободных людей на свободной земле не наступило, созидательная деятельность человека оборачивается лишь разрушением: «...во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга...» [11, с. 74]. По словам доктора Астрова, в настоящем лишь нищета, болезни и вырождение, а в будущем, по приблизительным подсчетам, через 10–15 лет вырождение будет уже полным. А все мечты о счастливом человечестве на прекрасной земле оказываются лишь миражами. Как говорит дядя Ваня, «когда нет настоящей жизни, то живут миражами» [11, с. 82].

В финале «Фауста» душу героя встречает Богородица, прощающая и утешающая грешника, Вечная женственность, «трансцендентная сила, любовно поднимающая человека в область вечной творческой жизни...» [6]. «Любовь и милосердие очищают женщин, и это приближает их к деве Марии, чей образ имеет у Гете иной смысл, чем в религиозном культе. Она здесь — воплощение женской чистоты, заступницы всех грешных, дарительница жизни. Вечно жен-

ственное воплощает ту силу любви, которая постоянно обновляет жизнь и возвышает человека» [2, с. 700].

В пьесе А. П. Чехова также в финале звучат проникновенные слова Сони о милосердии, «которое наполнит собою весь мир», и о будущем отдыхе как награде за жизнь, прожитую в труде, терпении и служении идеалу, а в ее образе проступают черты Софии — «девы мудрости», небесной любви — и девы Марии. Звучание в финале мотива милосердия по-новому высвечивает и слова няни Марины о жалости к человеку, Сонины призывы, обращенные к отцу, быть милосердным и такую важную для понимания чеховской аксиоматики фразу, произнесенную Еленой Андреевной: «...мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дряг...» [11, с. 79].

Как и в трагедии Гете «Фауст», в пьесе «Дядя Ваня» проводится идея созидательного труда, деятельного добра, только не ради подчинения природы во имя прогресса, а ради сбережения природы и человека. В конце XIX в. А. П. Чехов как бы проводит некую ревизию идей минувшего века и поднимает те проблемы, которые для потомков приобретут особую актуальность спустя еще один век.

Литература

1. Бялый Г. А. Чехов и русский реализм: очерки. — Л.: Советский писатель, 1981. — 400 с.
2. Аникст А. А. Комментарии // Гете И. В. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. — М., 1985. — 1408 с.
3. Громов Л. Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов. — Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1958. — 218 с.
4. Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. — М.: Скорпион, 2003. — 218 с.
5. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология: избранные труды. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 352 с.
6. Кантор В. «Вечно женственное» и русская культура [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2003/11/kantor-pr.html> (дата обращения: 05.06.2018).
7. Катаев В. Б. Скучная история: русский Фауст // Литературные связи Чехова. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. — 261 с.
8. Семанова М. Л. Современное и вечное (Легендарные сюжеты и образы в произведениях Чехова) // Чеховиана: статьи, публикации, эссе. — М.: Наука, 1996. — 360 с.
9. Станиславский К. С. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Искусство, 1954–1961. — Т. 1. — 615 с.
10. Холодковский Н. А. Комментарий к поэме И. В. Гете «Фауст». — М.: Либроком, 2010. — 288 с.
11. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. — М., 1978. — Т. XII. — 528 с.
12. Якушева В. Г. «Русский Гете» глазами минувшего века // Гете в русской культуре XX века. — М.: Наука, 2001. — 463 с.

RECEPTION OF GOETHE'S TRAGEDY «FAUST» IN CHEKHOV'S PLAY «UNCLE VANYA»

Valentina G. Fedorova

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Altay State Humanitarian and Pedagogical University named after V. M. Shukshin

53 Korolenko St., Biysk, 659300, Russia

The article establishes the literary connections of the play by Anton Chekhov “Uncle Vanya” and the tragedy by Goethe “Faust”. In the play by Chekhov, motif and figurative reminiscences from the Goethe’s tragedy are revealed. The images of Uncle Vanya, Dr. Astrov, Professor Serebryakov, Elena Andreevna and Sonya reveal features that refer to Faust, Mephistophilus, Wagner, and various aspects of the image of the Eternal Femininity. The main motives of the play — the motive of disappointment in the life devoted to science, in science itself, unable to solve pressing issues, and the motive of creative work in the name of a happy future for mankind — also lead to recall Goethe's Faust. The parallels found help to better and more fully understand the ideological plan of the Chekhov’s play, in which the ideas of the Goethe’s tragedy find both dialogical development and polemical rethinking.

Keywords: Anton Chekhov; Johann Wolfgang von Goethe; "Faust"; "Uncle Vanya"; reception; motive; image; idea; system of values; positivism; eternal femininity.